

Marta Łukaszewicz
Uniwersytet Warszawski

Рассказ Николая Лескова *Инженеры-бессребреники*: между историческим источником, апокрифом и житием

Николай Лесков был, как известно, человеком любознательным, проявлявшим большой интерес к различным областям знания, в том числе и к истории, которую он изучал не только по учебным и научным изданиям, но и по оригинальным источникам, архивным документам, устным свидетельствам¹. Лесков был настоящим книголюбом и книжным знатоком, завсегдатаем книжных и букинистических магазинов, где он приобретал редкие, запрещенные и старопечатные издания, а также рукописи². В мемориальной библиотеке писателя (включающей лишь десятую часть принадлежавших ему книг, которых в конце жизни он собрал около 3 тысяч) хранятся такие работы, как, например, *Домашний быт русских царей* И. Забелина, *История французской революции* Т. Карлейля, а также *Регламент Морской*, *Устав Морской*, *Записки княгини Е. Дашковой* и др.³. Свидетельства о чтении ряда исторических трудов и изучении архивов можно найти в переписке и публицистике Лескова, например, в его письмах редактору журнала „Исторический вестник” С. Шубинскому⁴, в очерках *Сибирские картинки XVIII века*, *Святительские тени*, *Царская коронация*, *Великопостный указ Петра Великого* и др. Кроме того, многочисленные произведения писателя базируются на разного рода документальных материалах из более или менее отдаленного прошлого (например,

¹ См. напр.: А.Н. Лесков, *Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям*, т. 2, Москва 1984, с. 200-203, 230-234.

² В.В. Ефремова, *Н.С. Лесков и книги*, [электронный ресурс:] http://www.nleskov.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=39&Itemid=31, 21.01.2013.

³ См. перечень книг мемориальной библиотеки Н.С. Лескова (Л.В. Дмитрихина, Е.В. Мази-на, *Из истории формирования фонда №2 „Н.С. Лесков” в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева*, [в:] *Н.С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения)*, Москва 2010, с. 253-293).

⁴ Напр., письма от 23 апреля 1880 г. (Н.С. Лесков, *Собрание сочинений в II томах*, т. 10, Москва 1957, с. 470-471), 14 июня 1886 г. (Н.С. Лесков, *Собрание сочинений в II томах*, т. 11, Москва 1957, с. 317-318), 17 июня 1886 г. (Там же, с. 319-320) и др.

очерки *Архиерейские объезды*, *Епархиальный суд*, *Райский змей*, рассказ *Путимей*). При этом, как отмечает А. Лужановский, в действительности правда и вымысел в таких произведениях переплетаются, а ссылки на источники служат, главным образом, созданию впечатления достоверности⁵.

О таком вольном подходе к используемым источникам писали еще современники Лескова. Например, И. Нилский в своих статьях *К истории раскола в Остзейском крае* и *К вопросу о бессвященнословных браках беспоповцев* ставил под вопрос достоверность и подлинность источников, на которые ссылался писатель в своих публицистических высказываниях на тему положения старообрядцев в Прибалтике⁶, и даже упрекал его в их фальсификации⁷. По этой причине нам кажется целесообразным рассмотреть на примере конкретного произведения специфику обращения Лескова с чужим текстом исторически-документального характера.

Исследователи XX века также обращают внимание на особенности воззрений Лескова на историю и историческое повествование. Так, И. Столярова отмечает, что для писателя авторитетнее официальных исторических документов были семейные предания и устные свидетельства⁸. В. Пантин указывает на своеобразие исторического мышления Лескова, сочетавшего недоверие историографам со стремлением увидеть определенное явление глазами той среды, в которой оно возникло и существовало. В этом исследователь видит сходство с Эрнестом Ренаном и его желанием „осуществить достоверную реконструкцию исторического прошлого на основании всей совокупности частных исторических свидетельств”⁹, а также с воззрениями Ганса-Георга Гадамера, указывавшего на необходимость вхождения в герменевтический круг, т. е. круг присущих данной эпохе предрассудков. Для Лескова важно не только и не столько выяснить, „как все было на самом деле”, сколько проследить складывание легенды, мифа¹⁰.

Особенно четко позиция Лескова выражена в кратком предисловии к рассказу *Инженеры-бессребреники*, озаглавленном *Бытовые апокрифы* (По

⁵ А.В. Лужановский, *Документальность повествования – жанровый признак рассказов Н.С.Лескова*, „Русская литература” 1980, № 4, с. 144-150.

⁶ И.Ф. Нилский, *К истории раскола в Остзейском крае*, „Христианское чтение” 1885, № 1/2, с. 176-178.

⁷ Нилский пишет, что в приводимой Лесковым в статье *Благословенный брак* мнимый чин беспоповского бракосочетания на самом деле принадлежит молоканам; более того, в конце писатель добавил три слова – „посем поют молебен”, – которых в оригинальном чине нет (И.Ф. Нилский, *К вопросу о бессвященнословных браках беспоповцев. (Критические замечания на статью г. Лескова: «Благословенный брак»)*, „Христианское чтение” 1886, № 1/2, с. 261).

⁸ И.В. Столярова, *Н.С. Лесков о литературе и искусстве*, [в:] *Н.С. Лесков о литературе и искусстве*, Ленинград 1984, с. 12.

⁹ В.О. Пантин, *Биографические «апокрифы» Лескова: По материалам статей и заметок*, „Русская литература” 1992, № 3, с. 139.

¹⁰ Там же, с. 132.

устным преданиям об отцах и братьях), которую Пантин называет кредо писателя как историографа¹¹. Лесков подчеркивает в нем, что при обращении к событиям недавнего прошлого он предпочитает опираться не на точные, сухие данные исследований и документов, но на живые, хотя и субъективные, не всегда достоверные свидетельства людей данной эпохи, которые лучше, по его мнению, выражают ее дух¹².

Использованное писателем в предисловии слово „апокриф” можно считать своеобразным жанровым определением текста¹³. Отметим, что в творчестве Лескова оно появляется не однажды: очерк *Путимец* имеет позаголовок *Из апокрифических рассказов о Гоголе*, а незавершенные *Посланицы Амура* тоже названы *Бытовыми апокрифами*. В античной и средневековой литературе апокрифами назывались книги неизвестного происхождения, содержащие недостоверные и часто сомнительные с точки зрения церковного учения истории, которые четко противопоставлялись общепринятым среди верующих каноническим текстам¹⁴. В них обычно развивались образы и мотивы Священного Писания, которые обогащались живыми, привлекательными подробностями, составляющими для читателя особый интерес, но в значительной степени противоречащими официальному церковному учению¹⁵.

Необходимо отметить, что в Лесковском творчестве апокрифы оказываются тесно связанными с легендами и мифами¹⁶, т.к. составляют их источники

¹¹ Там же.

¹² П. Горелов, *Примечания*, [в:] Н.С. Лесков, *Собрание сочинений в 12 томах*, т. 2, Москва 1989, с. 410-411.

¹³ Поиски в области литературных жанров и нетипичные жанровые определения составляют одну из особенностей творчества Лескова (см., напр., Д.С. Лихачев, *Особенности поэтики произведений Н.С. Лескова*, [в:] Д.С. Лихачев, *Литература — Реальность — Литература*, Ленинград 1984, с. 138; F. Listwan, *Sztuka pisarska Mikołaja Leskova*, Kraków 1988, s. 144, 201-202.

¹⁴ С. Шувалов, *Апокрифы*, [в:] *Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т.*, под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского, т. 1, Москва–Ленинград 1925, [электронный ресурс:] <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/l1/l1-0671.htm>, 4.10.2013.

¹⁵ См. J. Sławiński, *Apokryfy*, [w:] *Słownik terminów literackich*, pod red. J. Sławińskiego, Wrocław 2008, s. 38-39.

¹⁶ Понятия легенды и мифа различаются по ряду признаков, среди которых к главным принадлежат связь мифа с ритуалом и его значение для формирования картины мира, объяснения законов природы и т. п. (А.С. Козлов, *Миф*, [в:] *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, гл. ред. А.Н. Николюкин, Москва 2001, стлб. 559-560), в то время как легенда является сугубо жанровым определением и обозначает повествование, фантастическим образом осмысляющее „события, связываемые с явлениями живой и неживой природы, миром людей (...), со сверхъестественными существами” (Т.В. Зуева, *Легенда*, [в:] *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, стлб. 433). Однако Лесков использовал их скорее в разговорном значении, характерном для XIX века, согласно которому мифом являлись „происшествие или человек баснословный, небывалый, сказочный” (В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 2, Москва 1994 (репринтное воспроизведение издания 1903-1909), стлб. 862).

или способствуют их порождению. Все три категории писатель противопоставляет официальному дискурсу, сухим фактам и данным, которые, по его мнению, хотя и являются фактографически более точными, но в действительности отстоят дальше от истины.

Для рассмотрения особенностей Лесковского подхода к истории и историческим источникам, стоит обратиться к тексту рассказа *Инженеры-бессребреники*. При этом мы сосредоточимся лишь на его начальных главах, в которых речь идет не о главном герое произведения, инженере-праведнике Николае Ферморе, но о личности его старшего товарища по Инженерному училищу, Дмитрия Брянчанинова (1807-1867), в монашестве Игнатия, будущего архимандрита Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, епископа Кавказского и Черноморского, духовного писателя, известного проповедника, причисленного к лику святых Русской православной церковью в 1988 году. Это обусловлено существованием в тексте ряда отсылок к такому историческому источнику, как *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова*, составленное через 12 лет после смерти святителя учениками покойного.

В связи с данным сочинением необходима одна существенная оговорка относительно его жанровой природы. Несмотря на наличие в нем ряда черт агиографического канона (наличие житийных топосов, таких как упоминание о благочестивом детстве будущего святителя, сосредоточенность на его духовной жизни, включение в текст произведения *Плача моего* и др.) и на то, что оно стало впоследствии основой для жития свт. Игнатия, само *Жизнеописание* нельзя назвать житием, по той причине, что ни в период его составления, ни в год обращения к нему Лескова, Брянчанинов не был еще канонизирован. Что важно, сам Лесков относится к используемой книге как к документальному произведению, чему-то вроде официальной биографии сравнительно недавно умершего и широко почитаемого подвижника благочестия, и именно с такого рода источником иногда полемизирует.

Прежде чем перейти к анализу рассказа *Инженеры-бессребреники*, необходимо кратко представить историю его создания и общую характеристику, что позволит лучше понимать цель обращения писателя к *Жизнеописанию епископа Игнатия Брянчанинова* и направленность полемики с этим текстом.

Рассказ *Инженеры-бессребреники* был впервые опубликован в ноябрьском номере журнала „Русская мысль” за 1887 год, с подзаголовком *Из историй о трех праведниках*, а в 1889 г., при подготовке второго тома *Собрания сочинений*, Лесков включил его в состав цикла о праведниках¹⁷. Цель цикла заключалась в изображении „положительных типов русских людей”¹⁸, благодаря

¹⁷ А.И. Батюто, *Комментарии*, [в:] Н.С. Лесков, *Собрание сочинений в 11 томах*, т. 8, Москва 1957, с. 587.

¹⁸ Ср. А.И. Фаресов, *Против течений. Н.С. Лесков: Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем*, Санкт-Петербург 1904, с. 381.

которым Россия могла бы устоять, заслужить не одно лишь презрение и отвращение¹⁹. В *Инженерах-бессребрениках* главным героем является Николай Фермор, представляющий собой тип Лесковского праведника – парадоксального чудака, в любых обстоятельствах верного своим убеждениям, самоотверженно служащего избранному им идеалу и правде²⁰. Исключительность его личности и подвига призваны оттенить судьбы старших товарищей Фермора по Инженерному училищу, Дмитрия Брянчанинова и Михаила Чихачева, лиц, несомненно, честных и благородных, но, по мнению Лескова, лишенных смелости и нравственного максимализма главного героя, которые И.В. Столярова называет „донкихотской отвагой”²¹.

Как мы уже отметили, в данной статье нас интересует образ Брянчанинова, поэтому обратимся к первым шести главам рассказа, посвященным судьбам будущего святителя и его друга Чихачева, где повествователь неоднократно ссылается на *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова*. Оно является фактографической основой повествования: наиболее важные события юности Брянчанинова, описанные в *Инженерах-бессребрениках*, совпадают с теми, о которых речь идет в *Жизнеописании*: дружба с Чихачевым, особое внимание к герою великого князя и затем царя Николая Павловича, благочестие Брянчанинова и обычай посещать Александро-Невскую лавру, военная служба в Динабурге и т. п. Однако с самого начала почерпнутые из него сведения дополняются информацией, полученной из других источников, что в итоге ведет к иной расстановке акцентов в изображении героя. Например, во втором абзаце, содержащем первичную характеристику Брянчанинова, сообщается следующее:

по книге, о нем написанной, известно, что он был богомолен с детства, и если верить френологическим системам Галя и Лафатера, то череп Брянчанинова являл признаки «возвышенного богопочитания»²².

¹⁹ См. предисловие к циклу, в котором приводится диалог Лескова с „большим русским писателем” (А.Ф. Писемским), замечавшем в русской жизни „одни гадости” (С.А. Рейсер, *Комментарии*, [в:] Н.С. Лесков, *Собрание сочинений в 11 томах*, т. 6, Москва 1957, с. 641-643.

²⁰ О типичных чертах Лесковских праведников см., напр: И.В. Столярова, *В поисках идеала (Творчество Н.С. Лескова)*, Ленинград 1978, с. 180-215; В. Хализев, О. Майорова, *Лесковская концепция праведничества*, [в:] *В мире Лескова: Сборник статей*, Москва 1983, с. 196-232; А.А. Горелов, „Праведники” и „праведнический” цикл в творческой эволюции Н.С. Лескова, [в:] *Лесков и русская литература*, Москва 1988, с. 39-61; В. Trojanowska, *Несколько слов о „праведниках” в поэтике прозы Николая Лескова*, „Slavia Orientalis” 2006, nr 2, s. 173-186; В. Trojanowska, „*Odchodząca*” *Ruś i Rosja w twórczości Mikołaja Leskova*, Bydgoszcz 2008, s. 31-125 и др.

²¹ И.В. Столярова, *В поисках идеала...*, с. 208.

²² Н.С. Лесков, *Инженеры-бессребреники*, [в:] Н.С. Лесков, *Собрание сочинений...*, с. 136.

В этой фразе мы имеем дело с компиляцией данных из разных источников. О детской богомольности Брянчанинова действительно много говорится в его жизнеописании, которое в значительной мере следует житийной схеме: будущий епископ представлен как ребенок, испрошенный родителями у Бога после длительной бездетности, созерцательный, тихий, склонный к уединению и молитве²³. В то же время, вторая часть фразы, в которой упоминается френологическая система, не имеет никакого отношения к *Жизнеописанию*, хотя предложение построено так, что при быстром чтении может создаться впечатление, что именно оно об этом сообщает. Соединение в одном предложении суждений, относящихся к разным типам реальности (житийное клише в сочетании с упоминанием научной по своим предпосылкам френологии) вводит в повествование о Брянчанинове почти незаметную ироническую дистанцию. Она проявляется лишь в нескольких местах и призвана оттенить фигуру главного героя Николая Фермора и его жизненный путь.

Следующим моментом, который стоит отметить, является рассказ о посещении Главного инженерного училища будущим царем Николаем I, тогда еще великим князем, и назначении Брянчанинова его пенсионером. В *Жизнеописании* этот эпизод изложен кратко, в нескольких предложениях, в то время как у Лескова подробно описывается представление молодого человека великой княгине, приводится разговор между супругами, сообщаются такие детали, как то, что Николай „поцеловал ее [жену – М.Л.] в голову”, а „государыня оборотилась на стуле, посмотрела на мальчика в лорнет...”²⁴. Конечно, мы имеем здесь дело с беллетризацией сухого исторического материала, однако следует обратить особое внимание на авторское примечание, в котором сообщается:

«Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова» говорит, что великий князь приказал кадету прийти во дворец, но генерал Пав. Фед. Фермор, товарищ Брянчанинова, помнит, что Николай Павлович взял Брянчанинова с собою²⁵.

Мы видим здесь отсылку к устному источнику, который уравнивается в отношении достоверности с письменным (причем освященным авторитетом ближайших друзей святителя Игнатия) и которому, в данном случае, даже отдается предпочтение (из основного текста рассказа мы узнаем, что „Николай Павлович взял Брянчанинова с собою в экипаж и, приехав с ним в Аничков дворец, повел его за собою в покои великой княгини”²⁶).

²³ *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 году*, [в:] *Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова*, Москва 2006, с. 11-12.

²⁴ Н.С. Лесков, *Инженеры-бессребреники...*, с. 137.

²⁵ Там же. Курсив Лескова.

²⁶ Там же.

С похожим отношением к источникам мы встречаемся и во фрагменте, где излагаются события, сопровождавшие выход в отставку из военной службы Брянчанинова и Чихачева. Он значительно отличается от версии *Жизнеописания*, в котором, во-первых, указано временное расстояние между отставкой друзей (соответственно 1827 и 1828 год). Во-вторых, Брянчанинов представлен в этом тексте как человек, чуть ли не с детства стремящийся к монашеской жизни, и, наконец, в результате продолжительных хлопот, окончательно достигший своей цели в связи со слабым здоровьем и физической негодностью к военной службе²⁷. В рассказе *Инженеры-бессребреники*, наряду с кратким изложением такого варианта развития событий, дается значительно более развернутый второй вариант, согласно которому „Брянчанинов и Чихачев колебались уходить из мира в монастырь и решились на это только тогда, когда представилась необходимость взяться за оружие для настоящих военных действий”²⁸. При этом сообщаются разные перипетии, сопровождавшие якобы выход в отставку Брянчанинова и Чихачева, которые автор снабжает характерным примечанием:

Эта часть рассказа совершенно несогласна с тем, что читается в жизнеописании Брянчанинова, и представляется настоящей легендой [...] Однако рассказ этот держится в этом виде до сих пор, и ему верят, несмотря на то, что книга передает дело иначе²⁹.

И здесь легенде открыто отдается предпочтение, что обусловлено как упомянутыми в начале статьи историографическими принципами Лескова, так и его художественным замыслом: она позволяет показать выбор Брянчанинова и Чихачева не как долго вызревавшее решение и Божье призвание, но как бегство от подлинного подвига, хотя и предпринятое из благих побуждений. Именно здесь впервые пути монахов противопоставляется позиция Николая Фермора, пока что не названного по имени („Борец более смелый еще подрастал”³⁰), который выбрал честное служение в миру, противостояние реальному злу взяток, насилия и злоупотреблений.

Брянчанинов и Чихачев, хотя, в понимании Лескова, однозначно уступают решительности, смелости и духовной силе Фермора, представлены в рассказе как несомненно положительные персонажи. Важно при этом отметить ряд отличий между их изображением в *Инженерах-бессребрениках* и в *Жизнеописании*. Например, дружба с Чихачевым показана в последнем больше как настав-

²⁷ *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова...*, с. 26.

²⁸ Н.С. Лесков, *Инженеры-бессребреники...*, с. 143.

²⁹ Там же, с. 145.

³⁰ Там же, с. 144.

ничество: подчеркивается контраст между серьезным, задумчивым Дмитрием и его веселым и разговорчивым товарищем, который „предался Брянчанинову скорее как сын отцу, нежели как брат брату”³¹. Будущий святитель призывает своего друга к подлинно христианской жизни, приглашает его совместно посещать храм, чаще исповедоваться и причащаться. У Лескова, хотя и упоминается главенствующее положение Брянчанинова в созданном им кружке единомышленников, тем не менее друзья показаны как равные, поддерживающие „один другого в общем их стремлении уйти от житейских соблазнов к поднявшему их возвышенному идеалу чистой жизни в духе христианского учения”³².

Стоит также обратить внимание на то, как в лесковском рассказе характеризуется религиозность Брянчанинова и Чихачева. Повествователь называет героев большими почитателями митрополита Михаила (Десницкого), делая в примечании оговорку, что

в книге о жизни Брянчанинова [...] упоминается, что «в то время разнообразные религиозные идеи занимали столицу северную, препирались и боролись между собою», но не показано, как эта борьба касалась Брянчанинова и Чихачева [...] Устные указания на то, что они читали сочинения митрополита Михаила, отнюдь не представляются невероподобными³³.

Следует отметить, что приведенная Лесковым цитата достаточно точная (в оригинальном тексте читаем „[...] занимали **и волновали** столицу северную [выделено мною – М.Л.]”³⁴), однако уже в рамках *Жизнеописания* она является цитатой из сочинения самого Брянчанинова *Плач мой* – заключительного раздела его *Аскетических опытов*³⁵. При этом автор на самом деле отмечает свою позицию по отношению к этим идеям: „Ни та, ни другая сторона не нравились моему сердцу; оно не доверяло им, оно страшилось их”³⁶. Имя митрополита Михаила действительно не называется, что может быть связано, как нам кажется, с желанием уйти в жизнеописании святителя от вопросов церковной полемики и политики. Биография Брянчанинова сосредоточена на его строго внутренней, духовной жизни, и поэтому, если упоминаются лица, оказавшие влияние на будущего монаха и епископа, то ими оказываются исключительно подвижники монашеского делания – иноки Валаамского подво-

³¹ *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова...*, с. 18.

³² Н.С. Лесков, *Инженеры-бессребреники...*, с. 139.

³³ Там же, с. 140.

³⁴ *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова...*, с. 16.

³⁵ еп. Игнатий (Брянчанинов), *Плач мой*, [в:] *Полное собрание творений святителя Игнатия...*, с.512-530.

³⁶ *Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова...*, с. 16.

рья и Александро-Невской лавры, лаврский духовник о. Афанасий, оптинский старец Леонид и другие. Такое построение жизнеописания связано с его ориентацией на житие, где в центре интереса находится как раз внутренний мир святого, вехи его религиозного опыта, а не исторические и общественные обстоятельства его жизни³⁷.

В *Инженерах-бессребрениках*, наоборот, заметен свойственный Лескову интерес к религиозной атмосфере эпохи и церковно-исторической обстановке: в начале третьей главы он кратко описывает духовное своеобразие 1820-х гг., отмечая популярность католичества и библейского пиетизма, а также важное значение поучений митр. Михаила, имевших особый успех среди людей образованных и благочестивых, но неспособных „«принять все как в катехизисе»”³⁸. Эту характеристику, акцентирующую некоторое свободомыслие митрополита, усиливает замечание о том, что „у Михаила было очень много почитателей, оставшихся ему верными и после того, как в его сочинениях признано было не все «соответственным»”³⁹. Таким образом, и Брянчанинов, который в рассказе представлен большим почитателем митр. Михаила, попадает в ряды лесковских „сумнительных в вере” праведников.

Этот довольно неожиданный поворот имеет свое продолжение в упоминании о знакомстве с иеродиаконном Виктором, пользующимся репутацией слабого, нетрезвого монаха, но при этом доброго и прямого человека. Лесков снабжает данную информацию примечанием, в котором ставит под сомнение достоверность этого рассказа, однако уже в следующем абзаце информация о привычке пить у Виктора чай после литургии повторяется. Она способствует выстраиванию образа Брянчанинова как человека внутренне свободного и непривзяттого, далекого от шаблонной набожности.

Подводя итоги, необходимо прежде всего обратить внимание на особенности изображения в *Инженерах-бессребрениках* исторической личности Брянчанинова. Лесков, используя биографическую канву, представленную в *Жизнеописании епископа Игнатия Брянчанинова*, в ряде пунктов отступает от нее, отдавая предпочтение сведениям, почерпнутым из других источников, чаще всего устных и в большинстве случаев анонимных (исключением является ссылка на слова брата Николая Фермора, Павла). Таким образом, текст *Жизнеописания* воспринимается писателем лишь как один из вариантов дискурса о молодости будущего святителя, лишенный особой авторитетности и поэтому допускающий не только другие истолкования событий, но и различия в самом повествовании о событиях. Отметим, что при отборе источников писатель

³⁷ В.В. Лепяхин, *Иконичная агиография*, [электронный ресурс:] http://www.portal-slovo.ru/art/35902.php?ELEMENT_ID=35902&PAGEN_2=2, 04.02.2013.

³⁸ Н.С. Лесков, *Инженеры-бессребреники...*, с. 140.

³⁹ Там же.

не использует критерия истинности, но заменяет его критерием соответствия „духу времени”. Однако, не претендуя на историческую точность, писатель использует средства исторических наук, такие как ссылки на документы. Это повышает уровень достоверности рассказа и заставляет верить в его правдивость, хотя, на самом деле, Лесков из доступных источников выбирает те факты, которые соответствуют его художественному замыслу и создают определенный образ героя – человека глубоко и искренне верующего, сохраняющего внутреннюю независимость и свободу, но лишенного смелости и бесстрашия, свойственных лесковским праведникам, в том числе и Фермору.

Отметим, что и основной использованный Лесковым источник далек от беспристрастной объективности. Образ Брянчанинова, выстраиваемый его *Жизнеописанием*, во многом соответствует житийной схеме, и тоже является результатом отбора биографического материала, однако этот отбор скрыт и не становится предметом рефлексии. Лесков же, наоборот, вполне осознанно включает в свое произведение разные точки зрения, одним отдавая предпочтение, а другие лишь упоминая, но все равно акцентируя их принципиальную множественность и невозможность объективно и правдиво воспроизвести исторические события.

В. Пантин писал о герменевтическом характере исторического мышления Лескова⁴⁰, подчеркивая тем самым принципиальное значение для писателя живого голоса эпохи, внимательное вслушивание в который дает надежду на достижение понимания. По мнению Гадамера, „понимать прошлое – значит услышать то, что оно, как действительное, хочет нам сказать”⁴¹. Идеалом становится разговор, который сводит к минимуму или совсем отменяет временное расстояние⁴².

Несомненно, Лесковскому подходу к истории свойственен отказ от сциентизма и объективизма, выражающийся в убеждении, что мы не имеем непосредственного доступа к прошлому, но узнаем его посредством устных и письменных высказываний, не воспроизводящих, но всегда интерпретирующих исторические события. Писатель оказался, таким образом, удивительно близок получившей развитие в XX веке нарративной философии истории, в рамках которой поднимаются вопросы исторического опыта, памяти, ностальгии и ее связей с мифом⁴³. Возможно, что в дальнейшей исследовательской реф-

⁴⁰ В.О. Пантин, *Биографические «апокрифы» Лескова...*, с. 132.

⁴¹ Х.-Г. Гадамер, *Что есть истина?*, перевод М.А. Кондратьевой при участии Н.С. Плотникова, „Логос. Философско-литературный журнал”, вып. 1, Москва 1991, [электронный ресурс:] <http://ec-dejavu.ru/i/Istina.html>, 06.11.2013.

⁴² Н.-Г. Gadamer, *Cóż to jest prawda*, tłum. M. Łukasiewicz, [w:] Н.-Г. Gadamer, *Rozum, słowo, dzieje*, Warszawa 1979, s. 45.

⁴³ E. Domańska, *Wstęp. Historia: o jeden świat za daleko?*, [w:] *Historia: o jeden świat za daleko?*, Poznań 1997, s. 14-15.

лекции над сложнейшей проблемой отношения Николая Лескова к истории стоит учитывать достижения историков и историографов, идентифицирующих себя с этим направлением.

SUMMARY

Nikolai Leskov's Short Story *The Unmercenary Engineers*: Between Historical Source, Apocrypha and Hagiography

The paper presents Nikolai Leskov's approach towards history and historical sources as well as the methods writer used when composing his own historical discourse. The issue is discussed on the basis of writer's short story *The Unmercenary Engineers* where the early years of Dmitry Brianchaninov (the future St. Ignatius) are described. The text analysis demonstrates that Leskov extracted the hero's most important life events from *The Life Story of the Bishop Ignatius Brianchaninov* edited by the friends of the deceased 12 years after his death (the source he repeatedly names), but at the same time he used several other testimonies, mainly oral. What is more important, from different sources he chooses the facts which better correspond with his own artistic conception and serve to create the appropriate image of Dmitry Brianchaninov. The writer seems to play with multiple points of view, thereby underlining the relativity of every historical narrative which is always an interpretation of the past.